

Глава 1115: Кто победил?

Камешки покатались по земле, сдуваемые ветром. Их мягкий грохот смешался со звуком мечей, режущих ветер, объединяясь в еще более жалобный и скорбный звук.

Внутри Павильона Кленового Леса было очень тихо. Танг Тридцать Шесть и Сюй Южун ничего не говорили, молча глядя на Шан Синчжоу и Чэнь Чаншэна.

Только голос Ван Чжицэ парил на ветру.

Эта битва, которая вскоре изменит курс истории, наконец-то достигла результата.

Но что случилось мгновение назад?

Шан Синчжоу держал горло Чэнь Чаншэна и был способен определить его жизнь или смерть, но Ван Чжицэ говорил, что он проиграл?

Шан Синчжоу посмотрел на Чэнь Чаншэна и вдруг спросил: «Когда ты выучил это?»

.....

.....

Юйжэнь в Саду Сотни Трав стоял у каменного стола, глядя на стену академии.

Чжичжи над облаками смотрела вниз на то здание, ничего не говоря.

Мир был очень большим и содержал много людей, но только эти двое понимали, что Шан Синчжоу имел в виду.

В последний миг битвы Шан Синчжоу сказал слово, которое одновременно было простым и невероятно сложным, непостижимо сложным.

Это слово было наполнено информацией.

Это был язык Драконов.

Содержанием этого слова была даосская техника из непостижимо древней эры.

Эта даосская техника была записана в даосском писании.

Много лет назад, у ручья рядом со старым храмом Деревни Синин, Чэнь Чаншэн и Юйжэнь тоже видели это писание.

Им были незнакомы слова этой книги, и они не узнавали их.

Они пошли спросить их учителя.

Их учитель рассказал им, что это была последняя книга трех тысяч писаний даосского канона и состояла из тысячи шестисот и одного символа. По слухам она содержала последний смысл Небесного Дао, но никто никогда не мог полностью познать ее.

Только сегодня Чэнь Чаншэн наконец-то убедился, что его учитель не говорил правду или, возможно, скрывал информацию.

Шан Синчжоу определенно изучал это писание, познав его довольно глубоко.

Эта древняя и изношенная временем даосская техника позволила ему задействовать способность, превосходящую уровни культивации, успешно прерывая массив мечей Храма Южного Ручья и позволяя ему появиться перед Чэнь Чаншэном.

Если бы все пошло согласно плану, он стал бы победителем в этой битве учителя и ученика.

Но в тот миг Чэнь Чаншэн тоже сказал одно слово.

Это было аналогично сложное и непостижимое слово, содержащее бесконечную информацию.

Это тоже был язык Драконов.

Это тоже была невероятно древняя даосская техника.

Два драконьих крика прозвучали в ответ друг другу.

Два ци отразились друг против друга.

Два Дао встретились.

Дождь мечей опускался.

Если Шан Синчжоу продолжит подавлять свой уровень культивации, он несомненно проиграет, возможно, даже умрет.

Поэтому он в последний миг устранил давление на свою культивацию и использовал силу Божественного Домена.

Тысяча мечей резала его одежду, высвобождая величественный свет.

Когда дождь встречал солнце, каким бы прекрасным ни было зрелище, оно постепенно обратится в дым. Даже снежная равнина будет вынуждена расплавиться.

Талант Чэнь Чаншэна, величие и Дао были сокрушены силой более высокой культивации.

Рука Шан Синчжоу сжала его горло.

Но он не мог сжать горло судьбы.

Он использовал силу Божественного Домена.

Так что он проиграл.

Истинной точкой поворота в этой битве был тот момент, когда Чэнь Чаншэн сказал то слово.

Шан Синчжоу хотел знать, как это случилось.

«В тот год, когда я впервые прибыл в столицу».

Чэнь Чаншэн повернул голову, глядя на стену академии. На его лице появилась ностальгия.

Там был Сад Сотни Трав, а еще дальше был Имперский Город.

«В одну ночь Мо Юй заманила меня во Дворец Тун. Позже я узнал, что это было по приказам Боевого Дяди».

Это была ночь Фестиваля Плюща, первый раз, когда имя Чэнь Чаншэна стало известно на континенте. Немногие люди знали, что перед началом этих мероприятий он был пленен во Дворце Тун Мо Юй, а затем встретил легендарного Черного Морозного Дракона. Хотя он был почти убит и съеден, он в конечном итоге вышел с большой выгодой.

Это было первое испытание жизни или смерти, с которым Чэнь Чаншэн столкнулся после прихода в столицу. В следующие месяцы и годы он часто вспоминал события той ночи, например, те эмоциональные слова, которые он сказал маленькой Черной Драконице. Чем больше он думал, тем больше он был смущен, а иногда и сбит с толку. Почему Поп распорядился, чтобы Мо Юй сделала это?

Был ли в этом более глубокий смысл, чем ее становление Защитником следующего Попа?

Чэнь Чаншэн не мог понять этого, так что прекратил думать об этом.

Цветы дрейфовали на поверхность ручья.

Он решил идти вдоль этого ручья.

Вопреки своим начальным намерениям он начал изучать язык Драконов.

Это не был простой процесс, и по сравнению с покупкой различных лакомств с улиц столицы, это даже можно было назвать вызовом.

Но с течением времени он иногда вспоминал то писание, которое запомнил в старом храме Деревни Синин. Он вдруг осознал, что начинал смутно понимать его.

Во время трех лет в снежных горах он проводил каждую ночь, продолжая свои уроки в языке Драконов с маленькой Черной Драконицей, а затем он вспомнил то писание.

Это и правда было очень сложно, как язык Драконов, так и то писание.

В конце концов, он все еще немного изучил, как в Драконьем языке, так и в том писании.

Но этого уже было достаточно, чтобы он принял ту даосскую технику, учитывая, что Шан Синчжоу был совершенно не готов.

И только мгновение назад, когда он сказал то слово, Чэнь Чаншэн наконец-то понял, почему Поп распорядился так.

Поп хотел, чтобы он получил помощь маленькой Черной Драконицы, но и хотел, чтобы он изучил язык Драконов.

Поп надеялся, что он сможет познать последнюю книгу из трех тысяч даосских писаний, и хотел напомнить ему, что Шан Синчжоу, вероятно, познал какие-то древние Дао из той последней книги.

Было ли это напоминание обязательно? Это тоже было своеобразное напоминание.

Было очевидно, что Поп давным-давно ожидал, что этот учитель и ученик будут враждовать из-за различия в идеалах.

Поняв все это, Чэнь Чаншэн сказал Шан Синчжоу:

«Учитель не ошибается. Учитель и правда растил меня, но Учитель, вы не воспитывали меня, потому что никогда не заботились обо мне, никогда ничему меня не учили. Меня воспитал Старший Брат. Он многому меня обучил. Господин Су Ли тоже многому меня обучил, и был также Боевой Дядя. То, чему они обучили меня, во много раз превосходит то, чему вы научили меня».

Шан Синчжоу ничего не говорил, только глядя на Чэнь Чаншэна.

Он проиграл.

Он проиграл тому ученику, которого больше всего ненавидел, и проиграл тому ученику на другой стороне стены, которого любил больше всего.

Он проиграл тому младшему брату, на которого всегда смотрел свысока.

Что ему делать дальше?

Отпустить и уйти, как старая дворняжка, или...

Шан Синчжоу закрыл глаза.

Это было очень резко.

Ван Чжицэ, Танг Тридцать Шесть и Сюй Южун были удивлены.

Только Чэнь Чаншэн оставался спокойным, по-видимому, давно предвидев это.

Шан Синчжоу закрыл глаза, но не ослабил хватку.

Его рука очень твердо держала горло Чэнь Чаншэна.

Как упругая сосна, или как твердые железные оковы.

Вдруг он открыл глаза.

Казалось, что из глубин его глаз наружу проливалась кровь, встречая его черные зрачки и приобретая бурый цвет.

Это было масло, просачивающееся из трещины в старой сосне.

Ржавчина на поверхности железных оков.

Он умиротворенно смотрел на Чэнь Чаншэна.

Не было попыток скрыть его намерение убийства.

.....

.....

«Так как ты был готов сделать ставку, признай свое поражение».

Ван Чжицэ выкрикнул.

.....

.....

Трость лежала на каменном столе.

Юйжэня уже не было там.

.....

.....

Белоснежные крылья оставили огненный след в воздухе.

Сюй Южун исчезла.

.....

.....

Ветер поднимался, а облака клубились.

Громадное тело Черного Морозного Дракона рухнуло в Ортодоксальную Академию.

.....

.....

Танг Тридцать Шесть сделал жест Шан Синчжоу и искренне сказал: «В этом нет надобности».

.....

.....

Чэнь Чаншэн ничего не сказал.

Он смотрел на Шан Синчжоу. Его глаза были аналогично спокойными, но были даже более целеустремленными.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/351412>